

Шоу Бернард

**Полное собрание
сочинений**

Том 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Б51

Б51 **Бернард Ш.**
Полное собрание сочинений: Том 2 / Шоу Бернард – М.: Книга по Требованию,
2022. – 314 с.

ISBN 978-5-521-31503-1

ISBN 978-5-521-31503-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Артуру Биніаму Воклей.

Перев. Н. Г-зера.

Дорогой Воклэй!

Вы какъ-то спросили меня, почему я не напишу пьесу на тему о донъ Жуанѣ. Легкомысліе, съ которымъ вы взяли на себя эту ужасную отвѣтственность, вѣроятно помогло вамъ въ настоящее время забыть о ней; но день возмездія насталъ: вотъ ваша пьеса! Я говорю — ваша пьеса, потому что *qui facit per alium, facit per se*. Мнѣ принадлежатъ выгоды, а также и трудъ: но мораль, манера, философія и вліяніе на молодежь, заключающіяся въ пьесѣ, лежатъ на вашей отвѣтственности. Вы были совершеннѣйшимъ, когда внушали эту мысль, и кромѣ того вы хорошо знали, съ кѣмъ имѣете дѣло. Прошло едва пятнадцать лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ двое близнецовъ-піонеровъ новаго журнализма того времени — мы двое, — создали новую эпоху въ области театальной и оперной критики, сдѣлавъ ее поводомъ для пропаганды нашихъ собствен-

ныхъ взглядовъ на жизнь. Поэтому вы не можете оправдываться незнаніемъ характера той силы, которую привели въ движеніе. Вы предлагали мнѣ *épater le bourgeois*; и если онъ теперь запротестуетъ, я этимъ письмомъ отсылаю его къ вамъ, какъ къ отвѣтственному лицу.

Предупреждаю васъ, что, если вы вадумаете отказываться отъ отвѣтственности, я начну подозрѣвать, что пьеса слишкомъ добропорядочна на вашъ вкусъ. Последнія пятнадцать лѣтъ состарили меня и сдѣлали болѣе серьезнымъ. Въ васъ я не могу найти той же переменъ къ лучшему. Ваше легкомысліе и самая смѣлость подобна той любви и тому счастью, къ которымъ стремилась Дездемона; они все увеличиваются вмѣстѣ съ нашимъ возрастомъ. Теперь вы уже не довольствуетесь одними дерзновеніями журналиста-піонера; одинъ только величественный «Times» находится достаточно выѣ подозрѣній, чтобы покровительствовать вамъ; но даже и онъ долженъ иногда благодарить свою счастливую звезду за то, что новыя пьесы появляются на свѣтъ не каждый день, такъ какъ послѣ каждого такого случая солидность Times'a компрометируется, его обычная плоскость превращается въ эпигramму, его тяжеловѣсность—въ остроуміе, его точность—въ изысканность и даже его добропорядочность—въ шаловливость, благодаря вашимъ критическимъ статьямъ, которыя традиціи газеты не позволяютъ вамъ подписать вашимъ именемъ, но на которыя вы стараетесь наложить отпечатокъ ихъ принадлежности вашему перу путемъ ка-кихъ своеобразныхъ украшеній между строкъ.

Я не увѣренъ въ томъ, что это не предвѣстникъ революціи. Во Франціи восемнадцатаго столѣтія конецъ былъ близокъ, когда люди покупали Энциклопедію и находили въ ней Дидро. Когда я покупаю «Times» и нахожу тамъ васъ,—мое чуткое ухо слышитъ бряцаніе революціоннаго оружія двадцатаго столѣтія.

Но какъ бы то ни было, въ настоящее время я забочусь не объ этомъ. Вопросъ въ томъ, не разочаруетъ ли васъ пьеса о донъ Жуанѣ, въ которой ни одно изъ mille e tre приключеній этого героя не выведено на сцену? Чтобы умиловить васъ, позвольте оправдаться. Вы возрадите мнѣ, что я вообще только это и дѣлаю: ваша любимая острота по моему адресу состоитъ въ томъ, что будто бы то, что я называю драмой, на самомъ дѣлѣ не что иное, какъ самооправданіе! Но вы не должны разсчитывать, что я стану слѣдовать вашимъ необъяснимымъ фантастическимъ, капризнымъ, искусственнымъ приемамъ: вы должны примириться со мной такимъ, каковъ я есть, а именно—благоразумнымъ, терпѣливымъ, постояннымъ, благожелательнымъ, трудолюбивымъ человѣкомъ, съ темпераментомъ школьнаго учителя и стремленіями церковнаго дьячка. Правда, литературный шумъ, возбуждаемый мною и занимающій почему-то англійскую публику, отвлекаетъ вниманіе отъ моего характера; но характеръ мой тѣмъ не менѣе остается попрежнему твердымъ, какъ камень. У меня есть совѣсть, а совѣсть всегда стремится оправдаться. Вы же, напротивъ, думаете, что человѣкъ, разсуждающій о своей совѣсти, очень похожъ на женщину,

разсуждающую во всеуслышаніе о своей скромности. Единственная моральная сила, которую вы милостиво признаете, — это сила вашего остроумія; единственное требованіе, которое вы выражаете публично, это — требованіе вашего же артистическаго темперамента, стремящагося къ симметріи, изяществу, стилю, граціи, утонченности и чистотѣ, которая непосредственно слѣдуетъ за благочестіемъ, если не предшествуетъ ему. Моя же совѣсть — не что иное, какъ чистѣйшее порожденіе церковной каведры: меня волнуетъ, если я вижу, что людямъ пріятно, когда имъ должно бы быть непріятно; и я настойчиво добиваюсь того, чтобы заставить ихъ мыслить въ томъ направленіи, которое приведетъ ихъ къ сознанію ихъ грѣховности. Если вамъ не нравится моя проповѣдь, отвернитесь отъ нея. Я же, право, ничего не могу съ этимъ подѣлать.

Въ предисловіи къ моимъ «Пьесамъ для пуританъ» я выяснилъ положеніе нашей современной англійской драмы, принужденной имѣть дѣло почти исключительно съ случаями полового влеченія и вмѣстѣ съ тѣмъ лишенной возможности не только приводить примѣры этого влеченія, но даже касаться его природы. Ваше упоминаніе о томъ, что мнѣ слѣдовало бы написать пьесу о донъ Жуанѣ, было вызовомъ, заставившимъ меня обработать драматически эту тему. Вызовъ былъ достаточно трудно выполненъ, и поэтому стоило его принять. Если вы припомните, — у насъ достаточно драмъ, въ которыхъ герои и героини влюблены другъ въ друга и должны въ концѣ пьесы или жениться или погибнуть, а также драмъ, опи-

сывающихъ людей, взаимоотношенія которыхъ осложнились вслѣдствіе брачныхъ законовъ, не говоря уже о тривіальномъ сортѣ пьесъ, которыя трактуютъ избитую тему о томъ, что тайная любовь грѣховна, но виѣстѣ съ тѣмъ особенно пріятна; но у насъ совсѣмъ нѣтъ современныхъ англійскихъ пьесъ, въ которыхъ естественное влеченіе половъ другъ къ другу было бы выведено въ качествѣ главной пружины дѣйствія. Вотъ почему мы настаиваемъ на томъ, чтобы актеры были красивы, отличаясь этимъ отъ тѣхъ странъ, которыя нашъ другъ Вильямъ Аргеръ приводитъ намъ какъ образецъ серьезности.

Ихъ Юліи и Изольды, Ромео и Тристаны годятся намъ въ матери и отцы. Не то, что англійская актриса. Героинѣ которую она изображаетъ, не позволено обсуждать элементарнѣйшія взаимоотношенія мужчины и женщины: вся ея романтическая болтовня о любви выкроена по образцу книжекъ для дѣтей старшаго возраста, всѣ ея совершенно благонамѣренныя разсужденія, была ли она замужемъ или была «соблазнена», совершенно не затрагиваютъ нашего сердца и только утомляютъ нашъ умъ. Чтобы утѣшиться, намъ необходимо взглянуть на нее. Мы это дѣлаемъ, — и ея красота вновь зажигаетъ наши гаснущія чувства. Иногда мы совершенно не галантно ворчимъ на эту даму за то, что ея игра не такъ хороша, какъ ея наружность. Но въ драмѣ, которая, несмотря на всѣ свои старанія затронуть вопросы пола, совершенно лишена интереса половыхъ отношеній, красивая внѣшность нужнѣе, чѣмъ актерское искусство.

Позвольте мнѣ особенно настойчиво указать вамъ на это обстоятельство, такъ какъ вы слишкомъ умны, чтобы поднимать крикъ и обвинять меня въ парадоксальности каждый разъ, когда я подхожу къ вопросу съ правильного конца, вмѣсто того чтобы приняться за него съ другой, неправильной стороны. Почему встрѣчающіяся иногда у насъ попытки освѣщенія полового вопроса при помощи сцены, такъ отталкивающе-плохи и такъ отвратительны, что даже тѣ, кто настаиваетъ, чтобы половой вопросъ былъ открытъ для всѣхъ и обсужденіе его было совершенно свободно, не могутъ сказать, что имъ по вкусу эти печальныя попытки общественнаго оздоровленія? Какова обычная формула этихъ пьесъ? Женщина вслѣдствіе какого-нибудь обстоятельства въ прошломъ вступила въ конфликтъ съ закономъ, регулирующимъ половыя отношенія. Мужчина, влюбившись въ нее или женившись на ней, приходитъ въ столкновеніе съ общественнымъ мнѣніемъ, которое отвергло эту женщину. Правда, коллизіи отдѣльныхъ индивидовъ съ закономъ и общественнымъ мнѣніемъ могутъ быть драматизированы, какъ и всякія другія человѣческія коллизіи; но онѣ имѣютъ чисто академическій интересъ; и то обстоятельство, что намъ гораздо интереснѣе пропущенныя въ пьесѣ отношенія между мужчиной и женщиной, чѣмъ отношенія ихъ обоихъ къ судебнымъ мѣстамъ и къ судамъ, состоящимъ изъ добродѣтельныхъ матерей семейства, производитъ это ощущеніе недовольства, бездоказательности, пустоты, безцѣльной непріятности, неудачности общей конструкціи, неумѣнья

заинтересовать, — ощущение, одинаково хорошо знакомое какъ вамъ, такъ и мнѣ, когда я также посѣщалъ эти неудобныя театральныя помѣщенія и находилъ, что наши популярныя драматурги (какъ они сами думаютъ) подражаютъ Ибсену.

Я думаю, что, когда вы просили меня написать пьесу о донъ Жуанѣ, вы не имѣли въ виду чего-либо въ этомъ родѣ. Да и никто этого не имѣетъ въ виду: успѣхъ, которымъ иногда пользуются подобныя пьесы, достигается условной мелодрамой, посредствомъ которой опытный популярный авторъ инстинктивно спасается отъ провала.

Но чего хотѣли вы? Вслѣдствіе вашей несчастной привычки — неудобство которой, я надѣюсь, вы сами чувствуете — не выражать своихъ мыслей съ достаточной ясностью, я принужденъ былъ самъ отыскивать смыслъ вашего желанія. Прежде всего я долженъ былъ спросить себя, что такое донъ Жуанъ?

Согласно пошлomu представленію, онъ — просто развратникъ.

Но ваша ненависть ко всему пошлomu доходитъ до того, что дѣлается недостаткомъ (всеобъемлющій умъ невозможенъ безъ нѣкотораго налета пошлости); но даже если бы вы были въ состояніи приобрести вкусъ къ пошлomu, вы могли бы пресытиться уже существующими произведеніями, не безпокая меня. Поэтому я понялъ васъ въ томъ смыслѣ, что вы требовали отъ меня донъ Жуана въ философскомъ освѣщеніи.

Въ философскомъ отношеніи донъ Жуанъ — человѣкъ

достаточно одаренный, чтобы особенно ясно видѣть разницу между добромъ и зломъ. Но онъ предпочитаетъ слѣдовать своимъ инстинктамъ, не считаясь съ обычными законами, установленіями и церковными правилами; и вслѣдствіе этого, пріобрѣтая горячую симпатію нашихъ бунтующихъ инстинктовъ (которые пріятно польщены блескомъ, приданнымъ имъ донъ Жуаномъ), вступаетъ въ отчаянный конфликтъ съ существующими установленіями и защищается при помощи обмана и насилія, безъ зазрѣнія совѣсти, точно такъ же, какъ фермеръ защищаетъ отъ зловредныхъ наѣдомыхъ свою жатву. Прототипъ донъ Жуана, сочиненный въ началѣ XVI столѣтія однимъ испанскимъ монахомъ, былъ изображенъ въ соотвѣтствіи съ идеями того времени въ видѣ врага Бога, приближеніе мести Котораго чувствуется въ теченіе всей драмы и дѣлается каждую минуту все болѣе угрожающимъ. Ни одинъ менѣе значительный соперникъ не причиняетъ донъ Жуану особаго безпокойства: онъ легко справляется съ полиціей свѣтской и духовной; и когда какой-нибудь возмущенный отецъ пытается защищать свою честь при помощи шпаги, то донъ Жуанъ убиваетъ его безо всякаго усилія. И только когда убитый отецъ возвращается съ небесъ въ качествѣ Божьяго посла, въ видѣ своего собственнаго надгробнаго памятника,—онъ побѣждаетъ убійцу и тащитъ его въ адъ. Мораль — чисто монашеская: кайтесь и исправляйтесь *теперь*; такъ какъ завтра, можетъ быть, будетъ уже поздно. Это собственно — единственный пунктъ, къ которому донъ Жуанъ